

Т.Ф. Чалкова

*Новосибирский научно-исследовательский институт
патологии кровообращения им. акад. Е.Н. Мешалкина*

**Повесть о римском цесаре Антонии
как памятник Петровского времени**

Аннотация: Рассмотрены художественные особенности Повести о римском цесаре Антонии, одной из редакций Повести о царице и львице – оригинального русского произведения, заимствовавшего сюжет рыцарского романа об Оттоне и Олунде. Представлены данные, аргументирующие принадлежность Повести об Антонии Петровскому времени. Показано, что изложенная в духе «галантного» XVIII в. Повесть об Антонии отразила изменения вкусов рядового читателя и составила важный этап в литературной истории своего источника – Повести о царице и львице.

Art features are considered of the Story about Roman tsesar Antoniy, one of editions of the Story about the tsarina and a lioness – the original Russian product borrowing a plot of the translated tale of chivalry about Otton and Olunda. The data giving reasons for an accessory of the Story about Antoniy to Petrovsky time are presented. It is shown that stated in the spirit of a «gallan» XVIII century the Story about Antoniy has reflected changes of tastes of the ordinary reader and made an important stage in a literary history of the source the Story about the tsarina and a lioness.

Ключевые слова: Повесть о римском цесаре Антонии, Повесть о царице и львице, Повесть об Оттоне и Олунде, Петровское время.

The Story about Roman цесаре Antoniy, the Story about the tsarina and a lioness, the Story about Ottone and Olunda, Petrovsky time.

УДК: 82.0.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Речкуновская, 15. ННИИПК им. акад. Е.Н. Мешалкина, редакция. Тел. (383) 3322546. E-mail: tatch@ngs.ru.

Повесть о римском цесаре Антонии была открыта В.П. Адриановой-Перетц при изучении памятников переводной литературы конца XVII в. и получила название по заголовку одного из списков: «Повесть о римском цесаре Антонии. Выписано из древних римских летописцев 7204 (1696) году августа в 11 день» [Адрианова-Перетц, 1948, с. 384]. В ней рассказывается о приключениях оклеветанной свекровью царицы, изгнанной супругом с двумя сыновьями в пустыню. Исследовательница считала эту повесть сокращенной редакцией рыцарского романа об Оттоне и Олунде, переведенного с польского языка на русский в 1670-х гг. По наблюдениям ученого, Повесть об Антонии «в дальнейшей ее жизни в рукописной традиции, постепенно расширила нравоучительные сентенции» [Там же]. Дидактическую повесть, герои которой уже стали безымянными, В.П. Адрианова-Перетц назвала Повестью о царице и львице. Концепцию В.П. Адриановой-Перетц о промежуточном положении Повести о римском цесаре Антонии между рыцарским романом и нравоучительной повестью впоследствии разделили многие другие исследователи [Назаревский, 1955; Щеглова, 1956; Державина, 1964; Гудзий, 1966; Итигина, 1974; Маiek, 1978; Соколова, 1998].

Основу Повести о царице и львице также составили некоторые сюжетные ходы романа об Оттоне и Олунде. Ее автором заимствованный сюжет был значительно переработан, прежде всего он исключил тему рыцарских подвигов детей Оттона и Олунды – Флоренса и Леона. Акцент повествования был перенесен на описание выпавших на долю оклеветанной царицы мучений, изложенных в традициях жития-мартирия и волшебной сказки [Чалкова, 1998; 2011]. Несмотря на долгую литературную историю, большинство списков Повести о царице и львице имеет устойчивый текст, названный нами Основной редакцией. К ней же относятся и самые ранние рукописи, датируемые 1690-ми гг.¹.

Между тем палеографическое исследование показало, что самые ранние рукописи Повести об Антонии датируются второй половиной XVIII в. Всего известно пять списков: РНБ, собр. Погодина, № 1617, XVIII в., Л. 42–49 об. (далее: П); РНБ, собр. Титова, № 1534, XVIII в., Л. 1–20 (далее: Т); РНБ, Q.XV.79 (без конца), XVIII в., Л. 1–13 (далее: Q); РНБ, Q.XV.107, XIX в., Л. 66 об.–81; БАН, 21.11.4. XIX в., Л. 101–116² [Чалкова, 1990]. Можно предположить, что Повесть об Антонии вторична по отношению к Повести о царице и львице, созданной в конце XVII в. Таким образом, утверждение В.П. Адриановой-Перетц о первичности Повести об Антонии по отношению к Повести о царице и львице нуждается в дополнительных аргументах. Это и определило исследовательские задачи изучения Повести об Антонии: выявить литературные источники произведения и уточнить время его создания. Цель работы – рассмотреть художественные особенности Повести о римском цесаре Антонии, с тем чтобы показать, какие изменения претерпел сюжет об оклеветанной жене в XVIII в.

При просмотре списков *de visu* установлены значительные сюжетные и структурные отличия между Повестью об Оттоне и Повестью об Антонии и наряду с этим несомненное сходство текстов последней и Повести о царице и львице³. Все три произведения в XVIII в. существовали одновременно и могли влиять друг на друга. Несмотря на безусловную близость Повести об Антонии к Повести о царице и львице, можно отметить некоторые ее общие черты с Повестью об Оттоне. Так, главные герои в обоих произведениях названы «цесарь», «цесарева» и «цесаревичи». Они наделены именами; впрочем, заимствовано имя только главного персонажа: Антоний – это, по всей видимости, русифицированная форма имени Оттон. Имена остальных действующих лиц не совпадают: жену цесаря зовут Сусанной, сыновей – Карлусом и Диоскором.

¹ Например: ГИМ, Музейское собр., № 1907, филигрань герб Амстердама. Ср.: [Водяные знаки..., 1980, № 201 – 1692 г.]; ГИМ, собр. Уварова, № 544, герб Амстердама. Ср.: [Churchill, 1935, № 35 – 1698 г.]; РГБ, ф. 37, № 162 – Рог Почтовый. Ср.: [Лауцявичюс, 1967, № 3036 – 1698 г.].

² Списки П, Q и БАН 21.11.4 указаны В.П. Адриановой-Перетц и В.Ф. Покровской [1940]. Рукописи РНБ Q.XV.39; РГБ, ф. 178, № 3708; БАН Украины, Д.А. № 532 и 538, отмеченные здесь же, отнесены к Повести об Антонии ошибочно: они представляют редакции других повестей. Принадлежность к этой группе еще двух списков (РНБ, собр. Титова, № 1534 и РНБ, Q. XV.79) установлена в ходе наших разысканий [Чалкова, 1990].

Список П – на бумаге с гербом Ярославля и литерами ЯМАЗ. Ср.: [Участкина, 1956, № 25 – 1760–1764 г.]; Т – литеры ВФ и СТ в рамках. Ср.: [Участкина, № 482 – 1779 г.]; Q – литеры ВФСТ и «белая» дата 1781 и 1783 г. Ср.: [Участкина, № 290 – 1784 г.]. Списки П, Q и БАН 21.11.4 указаны В.П. Адриановой-Перетц и В.Ф. Покровской [1940]. Рукописи РНБ Q.XV.39; РГБ, ф. 178, № 3708; БАН Украины, Д.А. № 532 и 538, отмеченные здесь же, отнесены к Повести об Антонии ошибочно: они представляют редакции других повестей. Принадлежность к этой группе еще двух списков (РНБ, собр. Титова, № 1534 и РНБ, Q. XV.79) установлена в ходе наших разысканий.

³ Повесть об Антонии приводится по списку П, как наиболее раннему и исправному; Повесть о царице и львице по [Повесть..., 1988, с. 427–441]; Повесть об Оттоне и Олунде – по рукописи БАН, I.A.64, конец XVII в., Л. 5–84. Интересно отметить, что сборник происходит из библиотеки Петра I.

Многочисленные диалоги между цесарем Оттоном и его матерью, когда она клеветает на свою невестку Олунду, а цесарь отказывается ей верить (Л. 1–4 об.), были значительно сокращены автором Повести о царице и львице, где мать обращается к своему сыну всего один раз: «Что тако радуешися и веселишися о рождении чад своих и молебная совершаеши, а не веси того, что твоя лукавая и лъстивая прелюбодеица-царица ныне творит?» (с. 428). Указание на диалоги из повести об Оттоне содержится, возможно, во фразе из Повести об Антонии, вложенной в уста матери: «Или не веси, *яко тебе и прежде неоднократно глагола* (Курсив наш. – Т. Ч.), *яко жена твоя прелюбодействует?*» (Л. 42). Не исключена, впрочем, вероятность иной интерпретации: так редактор пытался передать «интенсивность» клеветы старой царицы.

Повесть об Оттоне содержит подробное описание сна цесаревы Олунды и не менее развернутое описание ее испуга (Л. 5). В Повести о царице и львице состояние царицы было передано очень кратко: «Царицы же ничто же о сем ведущу и не разуме злохитрства свекры своя крепкаго ради сна» (с. 428). Этот эпизод перешел в Повесть об Антонии также в виде небольшой ремарки: «В том часе виде цесарева некий страшный сон и воскрича громко» (Л. 41 об.). На этом, пожалуй, и заканчивается влияние Повести об Оттоне на Повесть об Антонии; в остальном же оно было опосредованным – через Повесть о царице и львице. Можно предположить, что создатель Повести об Антонии был знаком с текстом переводного романа, но использовал его русскую версию.

Обратимся к анализу лексики Повести об Антонии, так как именно данные языка часто оказываются решающими в вопросе датировки [Лихачев, 1983, с. 295]. К одному из наиболее существенных редакторских приемов переработки Повести о царице и львице следует отнести замену создателем Повести об Антонии устаревшей, по его мнению, старославянской лексики на более современную – русскую: *одр* – *постель*, *поемши* – *взяша*, *брашно* – *пища*, *седалище* – *место*. Еще один способ обновления лексики – активное использование автором Повести об Антонии иноязычной лексики – так называемых варваризмов. Здесь возможны два варианта лексического заимствования: первый – синонимическая замена русского слова иностранным (эти синонимы, как правило, неточные), например:

Повесть о царице и львице	Повесть об Антонии
призва к себе <i>от цареви полаты мужа некоего</i>	призва к себе некоего <i>от придворных кавалеров мужа</i>
<i>власти же и бояре... рекоша</i>	<i>сенаторы же и министры... рекоша</i>
сподоблю тя велика <i>сана</i> повеле ... <i>почтити их паче прочих</i>	пожалован будеши <i>великим рангом</i> повелевает... <i>с великою честию и церемониею стретити их</i>

Второй вариант – введение иноязычных слов для обозначения новых реалий и понятий русской общественно-политической жизни начала XVIII в. Таковы, например, слова *министр*, *монарх*, *сенат*, *сенатор*, *синод*, *ранг*, *фрейлина* (первые фрейлины появляются в штате Екатерины около 1713 г.), *штат*. Все эти слова, а также *атаковать*, *дама*, *генеральный*, *кавалер*, *мраморный* (свет), *тиранские* (муки) мы находим в словаре иностранных слов, пришедших к нам при Петре I [Смирнов, 1910]. По данным этимологического словаря М. Фасмера [1964–1973], слово *дама* встречается в русском языке с 1701 г., *атаковать* – с 1703 г., *ранг* –

с 1705 г. Перечисленные лексемы содержатся только в Повести об Антонии¹ и отсутствуют в двух других повестях.

Интересно отметить, что несколько слов из этого ряда были известны еще до Петра I. Они помещены в Словаре русского языка XI–XVII веков: слово *кавалер* употребляется с XVI в., *генеральный* впервые отмечено письменным источником в 1696 г., *монарх* – в 1674 г., словосочетание *мраморный свет* возникло на рубеже XVII и XVIII вв. Тем не менее многие слова XVII в. были включены в составленный по указу Петра I и лично им редактированный «Лексикон вокабулам новым по алфавиту», так как ранее они не были общеизвестными [Смирнов, 1910, с. 12].

При датировке памятника важно учитывать не только лингвистические, но и историко-социальные факторы. Рассмотрим некоторые примеры, которые, по нашему мнению, могут служить датирующими элементами Повести об Антонии. Широкое и всестороннее отражение на ее страницах нашли черты реального быта и общественно-политической жизни Петровской эпохи. Сравним начало всех трех произведений.

Повесть об Оттоне и Олунде	Повесть о царице и львице	Повесть об Антонии
Во время государствования во Франции краля Дагоберта в Риме государствуя великосильный и непреборимый Оттон, славный цесарь (Л. 5).	Бысть в палестинских странах в некоем граде велице царь благочестив и славен зело (с. 427).	Бысть в палестинских странах в великом государстве римском цесарь именем Антоний, бе велми благочестив (Л. 42).

В.Д. Кузьмина как черту, свойственную именно Петровскому времени, отмечала явную ориентацию на Запад, в противоположность русской допетровской повести, которая преимущественно интересовалась Востоком» [1941, с. 130]. Однако, кроме «ориентации на Запад», в начале Повести о римском цесаре Антонии отражена более конкретная ориентация – на «великое государство римское». Происходит это, как мы полагаем, не только потому что в Риме «государствовал» Оттон. По нашему мнению, указывая на «римское государство» как на место правления Антония, автор отразил взгляды Петра I на основанный им в 1703 г. город Санкт-Петербург как на столицу новой России, новый Рим, столицу новой империи, такой же великой, какой русскому царю виделась империя древнеримская². Кроме Нового Рима, современники называли Санкт-Петербург также Четвертый Рим и Северный Рим.

С большой долей уверенности можно предположить, что собор Петра и Павла, в который цесарь Антоний направился «со всем своим великим святейшим синодом и высокоправительствующим сенатом», это не только отголосок Повести об Оттоне и Олунде, но и не что иное, как заложенная в день ангела Петра I

¹ В.Д. Кузьмина [1941, с. 135] приводит новый словарный материал (*сенат, церемония, манифест, штаб, обер-офицер, виват, фейерверк, ранг* и т.д.), который писатель Петровской эпохи щедро ввел в легенду о папе Григории. Нетрудно заметить, насколько тесно перекликается он со словарем нашей повести.

² Н.Е. Меднис [2003] считает, что присутствующей в сознании создателей города параллелью Петербург – Новый Рим не столько подхватывалась эстафета строительства Рима Второго (Константинополь, *Нечесный Рим*) и Третьего (Москва как Вечный Рим), сколько таковая традиция отсекалась, образуя нулевую точку отсчета и соотнося Петербург напрямую с первым Римом и даже как бы вытесняя, замещая Рим Петербургом.

29 июня 1703 г. первая петербургская церковь¹. Хотя строительство ее продолжалось долгие годы, в 1720-е гг. она уже действовала [Павленко, 1981, с. 83].

Особенно важными датирующими элементами Повести об Антонии мы считаем слова *сенат* и *синод*. Слово *синод* появляется в русском языке в конце XVII в. благодаря переводам Евфимия Чудовского [Исаченко-Лисовая, 1987, с. 116]. Синод был учрежден в России в 1721 г. В первое же его заседание 14 февраля 1721 г. Петру I было представлено на утверждение 7 пунктов, один из них касался формы именованья в церковных службах духовного собрания вместо произносимого ранее патриаршего имени. Государь наложил резолюцию: «о святейшем Синоде или о святейшем правительствующем Синоде» [Рункевич, 1900, с. 142]. Так как во всех имеющихся у нас списках дано именно это сочетание – *святейший синод*, хотя наряду с ним в Повести об Антонии соседствует и слово *сигклит*, неоднократно используемое автором Повести о царице и львице, вероятно, 1721 г. и следует считать нижней границей возникновения Повести об Антонии. Не противоречит этому выводу и следующее обстоятельство. На страницах Повести постоянно встречаются слова *сенат* и *сенатор*, что означает их прочное утверждение в жизни. Это вполне могло произойти к 1720-м гг., когда сенат уже целое десятилетие выполнял свои функции.

«И сотвориша молитвенное благодарственное пение. И учинишася во граде том звоны велицы и ликования страшна» (с. 441). – *«Повеле учинить в церквах благодарственное молебное пение со звоном и пушечною пальбою»* (Л. 49)². Показательно, что именно «ликования страшна» заменены на «пушечную пальбу»: Е.А. Погосян сообщает [2001], что в Петровскую эпоху сложилось представление об обязательном для всех подданных ритуальном выражении радости, одной из форм которой была пушечная стрельба. Приведем некоторые характерные примеры. Свадьба князя-патриарха Никиты Зотова проходила *«при громе пушечной пальбы, звуках музыки и колокольном звоне всех церквей»* (Курсив наш. – Т.Ч.) [Семевский, 1885, с. 200]. При праздновании победы в Азове за благодарственным молебном последовал пир, который сопровождался пушечной пальбой. 30 мая 1722 г. Петр праздновал свое пятидесятилетие, и пушечная пальба оповестила город (царь находился в это время в Нижнем Новгороде) о дне рождения императора. Эти примеры «использования пушечной пальбы» в Петровскую эпоху можно было бы продолжить и далее³.

[В церкви] *«бысть множество народа рымского и чужестранного»* (Л. 42). Петр I широко привлекал иностранных специалистов на свою службу. В 1702 г. царь даже дал иностранцам право свободного въезда в страну.

«Царь же со слезами облобыза их, возблагодарив их, радовашеся» (с. 436). – *«Царь же благодарив за их верныя и ревностныя службы»* (Л. 47), *«...пожаловал их великими рангами первыми в своем государстве и повеле им пребывать при дворе своем, дав им великий штат от двора своего»* (Л. 47 об.). Известно, что Петр I высоко ценил воинские подвиги своих приближенных: многие генералы и офицеры после удачных операций получали повышение в чинах [Павленко, 1981]. В большой степени привлечению способных молодых людей на

¹ По первоначальному плану собор в Петропавловской крепости должен был совпадать с центром города: «В этом нельзя не видеть переклички с местом, которое занимает ... собор святого Петра в Риме... Эта ориентация на Рим проявляется не только в названии столицы, но и в ее гербе, который содержит в себе трансформированные мотивы герба города Рима, что также не могло быть случайным» [Успенский, 1994].

² Здесь и далее первый пример из Повести о царице и львице, второй – из Повести об Антонии.

³ Репрезентативен пример из другого произведения начала XVIII в. – переделки Повести об Акире премудром (XII в.), где по случаю победы также «празднуется тридневное торжество с колокольным звоном и пушечною пальбою» [Кузьмина, 1941, с. 135].

государственную службу способствовало утверждение в 1722 г. Табели о рангах, которая, определяя место в иерархии государственной службы, в некоторой степени дала возможность для служебной карьеры и приобретения личного и потомственного дворянства для лиц недворянского происхождения.

«Юноша же той веселяшися, навкая языку и искусству» (с. 435). – *«Отрок же той... растяше при царском доме во всяком веселии и чрез малое время научися языку их и грамоте и прочим многим кавалерским наукам и искусству»* (Л. 46 об.). В петровскую эпоху русская знатная молодежь отправлялась за границу с учебными целями. Незадолго до выезда в чужие края известного Великого посольства была отправлена в Италию и Голландию партия молодежи из лучших боярских фамилий для изучения навигационной науки. И уже в 1717 г. в одном только Амстердаме числилось 69 русских навигаторов. Вот свидетельство одного из многих молодых людей, которых Петр I посылал за границу для обучения различным наукам: «Я ныне со всяким прилежанием учусь еще французскому языку, також фортификации, математики, гистории, на лошадях ездить и на шпагах биться» [Павленко, 1981].

«О державнейший наш монарх и великий цесарю!». С большой долей вероятности можно полагать, что в назывании главных героев «цесарь», «цесарева» и «цесаревичи» отражено не столько следование за рыцарским романом, но и, что более важно, тот исторический контекст, в рамках которого, когда Петр принял титул императора, возник вопрос, как именовать царицу и царевен, так как в русском языке не было соответствующих слов. Сенат и Синод на «конференции» в синодальной крестовой палате в Москве 23 декабря 1721 г. решили супругу царя именовать «Императрицею, или Цесаревою», а детей «Цесаревнами». Петр утвердил это решение, заменив «Цесареву» на «Императрицу, Ее Цесаревино Величество» [Успенский, 1994]. В пользу предположения о целенаправленной замене свидетельствует и тот факт, что, хотя создатель Повести о римском цесаре Антонии использовал текст Повести о царице и львице, слова «царь», «царица» и «царевичи» из этого произведения им не были взяты.

Возможно, отзвуком упразднения патриаршества и объявления Петра I «крайним судьей» являются следующие примеры целенаправленных редакционных изменений:

Повесть о царице и львице	Повесть об Антонии
Сердце бо твое в руку Божию есть, яко же той изволит, тако и будет (с. 429).	Твое бо сердце в руке Божией, можеши казнити и свободити (Л. 43).
Божия воля да будет и твоя, о царю, яко же веси и хошеши (с. 429).	В твоей власти сие все состоит, что хошеши, то и сотвориши (Л. 43).
Владыко мой, царю праведный! (с. 429).	Великий цесарь, праведный судия! (Л. 43 об.).

В 1721 г. Петр I официально упразднил патриаршество в Русской Церкви и создал Духовную Коллегию, вскоре переименованную в Святейший Правительствующий Синод. Упразднение патриаршества и установление коллегиальной формы управления церковными делами означали перенесение на царя функций главы Церкви, что дало основания для религиозной персонификации царской власти и формирования религиозного культа самодержца [Бугаева, 2008].

«И неизвестно, что бысть ей, цесарице, по римским государственным правам». Период преобразований Петра I – начало нового этапа в истории русского права и законодательства как его источника: утверждается приоритет закона как источника права. Законодательные акты первой четверти XVIII в. нередко сопровождались предисловиями поучительного характера, в которых пропагандировал-

ся тот или иной указ, доказывалась его целесообразность. Эти предисловия составлялись лично Петром I [Бугаева, 2008].

«И всем по степени места уготовити повеле». Вероятно предположить, что здесь мы видим отражение принятой в 1722 г. Табели о рангах, состоявшей из расписания новых чинов по 14 классам, или рангам, и из 19 пояснительных пунктов к этому расписанию. Содержание одного из них сводилось, в частности, к следующему: за требование почестей и мест выше своего класса при публичных торжествах и официальных собраниях полагался штраф, равный двухмесячному жалованью штрафуемого. Такой же штраф полагался и за уступку своего места лицу младшего класса.

Значение имени героев, по нашему мнению, также являются еще одним подтверждением позднейшего происхождения Повести об Антонии. Персонажи повести, вполне в духе XVIII в., но и в продолжение традиций XVII в., когда было весьма характерно использование значащих имен [Ромодановская, 1994, с. 35–51], названы «говорящими» именами: Сусанна – евр. «лилия»; мать цесаря названа Феодулия – от греч. «Божья раба» – ей пришлось испытать на себе справедливый Божий суд; второй цесаревич назван Диоскором – вероятно, имя происходит из греч. Дийт кпхсбй – отроки Зевса. Этимология – излюбленный прием в эпоху барокко, а в русской литературе начала XVIII в. барокко как самостоятельное творческое направление было представлено очень широко [Панченко, 1977, с. 100–106; Сазонова, 2006, с. 206].

Е.К. Ромодановская, уточнив наши наблюдения, убедительно показала, что имя главной героини «было избрано не по прямому смыслу слова, а скорее всего по ассоциации с образом Сусанны в Ветхом завете. Библейская Сусанна, как и героиня Повести, – красивая и богобоязненная жена, которую старцы оговаривают и обвиняют в прелюбодеянии; сходным образом обе женщины приговорены к суровому наказанию, а в конце оправданы и прославлены за благочестие, клеветники же несут суровую кару... Близость этих сюжетов, однозначность оценок и, наконец, символичность образа Сусанны свидетельствуют о влиянии Библии на выбор имени героини в Повести о римском цесаре Антонии» [Ромодановская, 1994, с. 48–49].

Как мы уже указывали, нижней границей создания Повести об Антонии, скорее всего, следует считать 1721 г. Верхняя же граница ограничивается 1760-ми гг., которыми датируется список П (он является копией) – самый ранний из известных нам. Однако, как мы полагаем, этот интервал можно ограничить 1720-ми гг., так как неизвестный автор отразил многие реалии именно Петровского, а не позднейшего времени: основание Санкт-Петербурга (1703), ставшего столицей в 1712 г., упоминание церкви Петра и Павла (1703), учреждение Сената (1711) и Святейшего Правительственного Синода (1721), принятие титула императора и именование цесарем (1721), введение Табели о рангах (1722).

Косвенным подтверждением принадлежности Повести об Антонии Петровскому времени можно, по-видимому, считать уже само обращение к Повести о царице и львице, центральной темой которой были мучения, выпавшие на долю изгнанной царицы. Весьма вероятная причина интереса, проявленного к этому произведению создателем Повести об Антонии, – судьба матери Петра I, Наталии Кирилловны Нарышкиной, долгое время вместе с сыном находившейся в изгнании. Так или иначе, Повесть о римском цесаре Антонии не могла служить источником Повести о царице и львице, созданной не позднее 1690-х гг.¹. Характерные черты Петровской эпохи, а обновление текста Повести о царице и львице лекси-

¹ Выскажем предположение, что дата 7204 (1696), читаемая в названии Повести об Антонии и послужившая основанием ее датировки [Адрианова-Перетц, 1948, с. 384], заимствована из оригинала – Повести о царице и львице, так как в названии некоторых списков последней указан именно этот год.

кой начала XVIII в., хотя язык в целом язык еще архаичен, например, сохраняет и старославянизмы, и древние формы аориста, позволяют, как мы считаем, отнести Повесть о римском цесаре Антонии к так называемым «петровским повестям». Данные проведенного комплексного анализа текста позволяют, на наш взгляд, датировать Повесть об Антонии периодом 1720-х гг.

В результате целенаправленной редакторской правки изменился стиль повести: из «агиографического» Повести о царице и львице он стал близким галантному стилю повестей Петровского времени. Приведем один весьма характерный пример:

Повесть о царице и львице	Повесть об Антонии
...виде у нея раба своего ближняго, лежаща на одре без гащ, наполнив-ся яростию и удари его мечем в сердце, прободе. Раб же той велми возреве и умре (с. 428).	...виде раба своего онаго мужа на одре лежаща и наполнив зельня ярости и выняв шпагу свою. Раб же той скоро увидя, востав от одра, <i>хотя поклонитися и рече: «Виноват»</i> . Он же пронзе его в сердце, и паде [раб] на землю и бысть мертв (Л. 43).

Необходимо также отметить влияние стиля деловых бумаг, например: цесарева «скоро востав, повеле убиратися к походу, и как к походу уготовились, тогда поклонися с сыном своим господину дома того, у которого пребывала, и одариша его великими дарами и поидоша в свое государство» (Л. 49 об.). Этот стиль, вместо исходного «агиографического», по нашему мнению, объясняется социальным обликом неизвестного автора: он мог быть, например, канцелярским служащим, как позднее Петр Орлов – автор «Истории королевича Архилабона» [Берков, 1949]. На секуляризацию текста Повести об Антонии указывает сокращение редактором молитв царицы, которые в агиографической стилистике источника играли весьма значительную роль.

О том, что читатель XVIII в. стал воспринимать повесть как произведение светское, задача которого – не поучать, а развлекать, свидетельствует, по нашему мнению, изменение состава сборников. Повесть о царице и львице помещалась, как правило, в сборники, содержащие жития, а также «душеполезные» повести, выписки из патериков и прологов, Звезды Пресветлой. Повесть о римском цесаре Антонии встречается в сборниках, составлявшихся для развлечения. Здесь мы находим Историю о короле французском Альберхе, Повесть о Фроле Скобееве, Повесть о королевне Магелене и князе Петре, Повесть о Еруслане Лазаревиче, Беседу доброго молодца с прекрасной девицей.

Таким образом, по-видимому, следует пересмотреть утверждение В.П. Адриановой-Перетц о первичности Повести об Антонии по отношению к Повести о царице и львице. Напротив, источником Повести о римском цесаре Антонии оказывается Повесть о царице и львице. Повесть об Антонии – это та же древнерусская повесть религиозно-дидактического содержания, лишь прикрытая языковыми формами, распространенными в Петровское время, и отражающая реалии этого времени. Повесть о царице и львице и Повесть об Антонии – это авторский текст и его стилистическая редакция: налицо модернизация источника, придание древнерусскому произведению черт современной автору эпохи. Следовательно, ее с полным правом можно назвать Петровской редакцией (по времени создания).

Литература

Адрианова-Перетц В.П. История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1948. Т. 2. Ч. 2. С. 375–397.

- Адрианова-Перетц В.П., Покровская В.Ф. Древнерусская повесть. М.; Л., 1940.
- Берков П.И. О так называемых «петровских повестях» // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 419–428.
- Бугаева Н.А. Петр I в русском общественном сознании конца XVII – первой четверти XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2008.
- Водяные знаки рукописей России XVII в. / Сост. Т.В. Дианова, Л.М. Костюхина. М., 1980.
- Гудзий Н.К. История древней русской литературы. М., 1966.
- Державина О.А. Задачи изучения переводной повести и драматургии XVII в. // ТОДРЛ, М.; Л., 1964. Т. 20.
- Итигина Л.А. К вопросу о репертуаре оппозиционного театра Елизаветы Петровны в 1730-е годы // Восемнадцатый век. Л., 1974. С. 321–331.
- Исаченко-Лисовая Т.А. Номоканон с толкованиями Вальсамона в переводе Евфимия Чудовского // Вопросы языкознания. 1987. № 3.
- Кузьмина В.Д. История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1941. Т. 3. Ч. 1. С. 117–136.
- Лауцявичюс Э. Бумага в Литве в XV–XVIII вв. Вильнюс, 1967.
- Лихачев Д.С. Текстология. Л., 1983.
- Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003.
- Назаревский А.А. Библиография древнерусской повести. М.; Л., 1955.
- Павленко Н.И. Александр Данилович Меншиков. М., 1989.
- Панченко А.М. Два этапа русского барокко // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 100–106.
- Повесть о царице и львице // Памятники литературы Древней Руси. XVII в. М., 1988.
- Погосян Е.А. Петр I – архитектор российской истории. СПб., 2001.
- Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге Нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994.
- Рункевич С.Г. История Русской церкви под управлением святейшего Синода. СПб., 1900.
- Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее новое время. М., 2006.
- Семевский М. И. Слово и дело! 1700–1725. СПб., 1885.
- Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб., 1910.
- Соколова Л.В. Повесть о цесаре Оттоне и Олунде // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. СПб., 1998. С. 233–237.
- Успенский Б.А. Избранные труды: В 2 т. М., 1994.
- Участкина З.В. Водяные знаки русской бумаги // Труды Института истории естествознания и техники. Т. 12. М., 1956.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964–1973.
- Чалкова Т. Ф. Повесть о римском цесаре Антонии и ее источник // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 222–228.
- Чалкова Т.Ф. Повесть о царице и львице // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. СПб., 1998. С. 231–233.
- Чалкова Т.Ф. Повесть о царице и львице: особенности художественной структуры // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. 2011. Т. 10. Вып. 2. С. 108–115.
- Щеглова С.А. Разночинно-демократический театр начала XVIII века и его репертуар // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 263–283.
- Churchill W.A. Watermarks in Paper Holland, England, France etc., in XVII–XVIII centuries and their interconnection. Amsterdam, 1935.
- Maiek E. Romans staropolski na Rusi // Slavia orientalis. Warszawa, 1978. R. 25, № 3. S. 311–317.